

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б88

Charlotte Brontë
JANE EYRE

Перевод с английского *В. Станевич*

Вступительная статья *В. Татаринова*

Серия «Книги-легенды»

Оформление *В. Щербакова*

Серия «Всемирная литература»

Оформление *Н. Ярусовой*

Бронте, Шарлотта.
Б88 Джейн Эйр : роман / Шарлотта Бронте ; [пер. с англ.
В. Станевич]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 512 с.
ISBN 978-5-699-88382-0 (Книги-легенды)
ISBN 978-5-04-091695-5 (Всемирная литература)

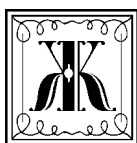
Второй роман Шарлотты Бронте «Джейн Эйр», увидевший свет в 1847 г., принес писательнице мгновенную славу. Это книга об истинном чувстве и преданности идеалам, об обманутых надеждах и великодушии, о девушке благородной, волевой, страстной, оставшейся верной своей любви, несмотря на удары судьбы. Пронзительная история со счастливым концом — нестареющая классика английской литературы.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-88382-0
ISBN 978-5-04-091695-5

© Перевод. В. Станевич. Наследники, 2018
© Вступ. ст. В. Татаринов, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

«Бабье лето» английской литературы

енское воображение способно вдохнуть жизнь и расцвести яркими красками самые серые и безнадежно тусклые будни. Столкнувшись с холодностью и враждебностью мира, мужчина готов пить горькую и проклинать судьбу. Женщина спокойно и терпеливо отвоюет себе уголок, где она сможет отдыхать душой и лелеять милые ее сердцу грезы и образы. До тех пор, пока ей не представится возможность воплотить мечты в жизнь...

Шарлотта Бронте родилась 21 апреля 1816 года в семье сельского священника. Ее отец, Патрик Бронте, происходил из бедной ирландской семьи. В 1820 году он получил приход в маленьком, уединенном городке Хауорт в графстве Йоркшир. Жили они небогато, никто из членов семьи не отличался крепким здоровьем. Мать Шарлотты умерла, когда девочке было пять лет. На руках отца осталось шестеро детей: мальчик и пятеро девочек.

Патрик занялся образованием сына, а девочками — старшая дочь, 8-летняя Мэри. Преподобный Бронте отличался нелюдимым и эксцентричным характером: большую часть времени он проводил в своей комнате, никогда не обедал с детьми и лишь изредка приглашал их к чаю. Он имел привычку таскать с собой заряженный револьвер, и накопившееся раздражение снимал самым простым образом: уходил во двор и разряжал револьвер в воздух.

Из-за скудных доходов в семье Бронте питались скромно и одевались всегда в темное. Гордый и волевой отец наотрез отказывался принимать помощь от посторонних людей. Однажды богатые соседи, зная, что у детей нет обуви, купили им красивые яркие башмаки. Увидев перед камином шесть пар новой обуви, Патрик, не задумываясь, швырнул их в огонь.

Жизнь в Хауорте была серой и однообразной. Дом приходского священника располагался на отшибе, рядом с кладбищем, и из окон детским взорам открывался довольно грустный пейзаж — могилы, суровая и однообразная болотистая местность. Жители городка особой приветливостью также не отличались, поэтому дети росли в замкнутом мирке, сотканном из образов и грез их не по-детски развитой фантазии. Они стремились уйти в свой внутренний идеальный мир, который совершенно не походил на скучную реальность.

В 1824 году четыре старшие девочки — Мэри, Элизабет, Шарлотта и Эмили — отправились получать образование в школу для дочерей духовенства. Это заведение располагалось в Коуэн-Бридж, неподалеку от Хауорта. Брали там недорого и к тому же предоставляли полный пансион. Все поступавшие в школу выдерживали экзамены. Шарлотта была признана школьным советом «очень умной для своего возраста».

Школа в Коуэн-Бридж оказалась дешевой во всех смыслах этого слова. В помещениях царили холод и грязь, детей кормили отвратительно, за малейшую провинность наказывали и унижали. Особенно доставалось безответной Мэри Бронте за рассеянность и неаккуратность. Однажды ее, больную, заставили подняться с постели и явиться в столовую, а уже там за опоздание торжественно лишили завтрака.

Такие условия только ослабляли и без того подорванное здоровье детей. Немудрено, что в 1825 году школу охватила эпидемия тифа, от которой слегло сорок пять учениц из восьмидесяти. Опасаясь скандала и неизбежной огласки, девочек стали отправлять по домам. В феврале в Хауорт возвратилась Мэри, которая умерла в мае. Вскоре похоронили и Элизабет. Девятилетняя Шарлотта осталась старшим ребенком в семье.

Директор школы Уилсон не испытывал по этому поводу угрызений совести. Он считал, что ранняя смерть — истинное благо для ребенка, ведь тогда он предстанет перед Богом безгрешным ангелом. Эта ситуация настолько умиляла директора, что вдохновляла его на сентиментальные стихи о судьбе «бедных малюток». Скандал вокруг школы Уилсона все-таки разразился, и его отстранили от руководства. Впечатления от школы в Коуэн-Бридж послужили для Шарлотты Бронте прообразом учебного заведения в Ловуде в романе «Джейн Эйр», а печальная судьба Мэри и Элизабет нашла отражение в образе рано умершей Элен Бернс.

Попытки Патрика Бронте подыскать себе новую жену оказались безуспешными — его предложения руки и сердца упорно отвергались.

Тогда он пригласил на постоянное жительство свояченицу, которая и взяла в свои руки дом и религиозное воспитание детей.

Патрик стал более осмотрителен в выборе учебного заведения для своих детей, поэтому в 1832 году Шарлотту отправили в школу сестер Вулер в Роухеде, которая пользовалась хорошей репутацией. За обучение пришлось заплатить как следует, но Шарлотте помогла ее крестная.

В этой школе хорошо кормили и учили не только молитвам, а и грамматике, арифметике, рисованию, французскому языку, рукоделию. Поначалу Шарлотта немало забавляла сверстниц: она была очень застенчивая и нервная, говорила с сильным ирландским акцентом и вдобавок отличалась сильной близорукостью. Но Шарлотта хотела приобрести профессию гувернантки, а для этого нужно было знать и уметь многое. И она училась, упорно и самозабвенно, приводя в изумление одноклассниц и учителей. Полтора года спустя она стала первой ученицей в школе и знала все, чему могли научить ее сестры Вулер.

Найти работу Шарлотте удалось далеко не сразу. В ожидании вакансии она вновь, как в детстве, сочиняла сказочные романтические истории, давая волю фантазии. Вместе с братом Бренуэллом она издавала рукописный домашний «Журнал для молодых людей», путешествовала по вымышленной стране Англии вместе с ее правителем, жестоким и обольстительным герцогом.

Литературные игры закончились, когда пришло приглашение от мисс Маргарет Вулер. Она предложила Шарлотте место помощницы в своей школе и обучение ее младшей сестры Эмили в счет части жалованья. В июле 1834 года Шарлотта и Эмили отправились в Роухед, а Бренуэлла отец и тетя решили отправить на учебу в Королевскую академию художеств.

Работа у Шарлотты была отнюдь не из легких — она была занята с семи утра до одиннадцати вечера, да и денег после уплаты за обучение Эмили оставалось совсем немного. Эмили обучение не пошло на пользу, она была слаба здоровьем, застенчива и очень привязана к родному дому. Строгий распорядок дня тяготил ее, она тосковала по вересковым холмам Хауорта. Вскоре она отправилась домой, а ее место в школе заняла младшая сестра Энн, которая сразу всем понравилась.

Бренуэлл, несмотря на рекомендательные письма и солидную сумму денег, вернулся из Лондона ни с чем. Дома он заявил, что его обокрали, но это и к лучшему — художником он быть уже не хотел.

Испытывая неудовлетворенность от своей работы, Шарлотта не теряла надежды стать писательницей. Под Рождество 1836 года она

набралась храбрости и отправила свои стихи известному поэту Роберту Саути. Саути стихи одобрил, но заниматься литературой не рекомендовал, считая, что это отвлекает женщину от «свойственных ей обязанностей».

Когда школа Вулер перебралась в Дьюсбери-Мур, сырое и болотистое место, здоровье Энн резко ухудшилось. Ее отправили домой, а вскоре и Шарлотта была вынуждена вернуться в Хауорт по тем же причинам.

Между тем, Шарлотте исполнилось 22 года — критический возраст для девушки, которая еще не вышла замуж. Она не была красавицей и понимала это, но на предложение руки и сердца со стороны Генри Насси, молодого священника, брата ее близкой подруги, она все-таки ответила отказом. Шарлотта была наделена живым воображением и мятежным духом, в ее сердце жила мечта о романтической любви, а не о браке по расчету с подходящим претендентом. По этой же причине — несоответствие кандидата в мужья образу страстного и рокового возлюбленного — она отвергла предложение молодого ирландского пастора Брайса.

К концу 1841 года Шарлотта сменила несколько мест работы и профессия гувернантки стала внушать ей отвращение. Еще бы, хозяйка редко упустила случай унижить бедную девушку или нагрузить ее лишней работой за то же жалованье. Сестры Бронте начали мечтать о собственной школе, которая даст им средства к существованию и независимость. Чтобы выделиться на фоне конкурентов, а их в Йоркшире имелось предостаточно, Шарлотту и Эмили было решено отправить в Европу — завершить образование и в совершенстве изучить французский язык. В феврале 1842 года они выехали в Брюссель.

Пансион супругов Эже удивил их условиями обучения: просторные и удобные помещения для занятий и отдыха, либеральный распорядок, большой сад для прогулок. Сестры Бронте, привыкшие к пуританскому аскетизму и строгой дисциплине, долго не могли привыкнуть к новым порядкам. Еще больше их поразил учитель, месье Эже. Это был умный, властный, вспыльчивый и требовательный человек, относившийся к преподаванию со страстью поэта. Он учил Шарлотту французскому языку, она его — английскому. Симпатизируя ученице, учитель часто и подолгу беседовал с ней в саду, иногда дарил книги.

В этом трудно было обнаружить что-либо предосудительное или безнравственное. Беда заключалась в том, что Шарлотта совсем не была избалована доброжелательным вниманием к своей особе, не говоря уже о внимании со стороны умного и неординарного мужчины.

Личность учителя притягивала ее, как магнит, и Шарлотта не заметила, как влюбилась. Зато это заметила мадам Эже, которая только что родила пятого ребенка. Идиллия закончилась: в январе 1844 года Шарлотта вынуждена была возвратиться в Хауорт. Разрыв дался ей очень нелегко. Память о любви к месье Эже она сохранила на всю жизнь, а свои переживания, переосмыслив и развив, воплотила в историю отношений Джейн Эйр и Эдварда Фэрфакса Рочестера.

В Англии Шарлотту ожидали прежние проблемы: для женщины перспективы получить хорошо оплачиваемую работу и стать независимой почти равнялись нулю. К примеру, ее младшая сестра Энн, работая в семействе Робинсонов, получала намного меньше, чем трудившийся там же Бренуэлл, хотя обязанностей у нее было куда больше.

Вскоре они оба лишились работы при весьма запутанных обстоятельствах. Легенда гласит, что Бренуэлл пользовался благосклонностью хозяйки дома, а ее муж, узнав об этой связи, с позором выгнал его. Вскоре Робинсон умер, однако в завещании он предусмотрительно записал условие: вдова получает наследство, если полностью прекратит отношения с Бренуэллом Бронте. Колебания молодой вдовы были недолгими, а Бренуэлл после этой истории опустил окончательно. Родные старались не потакать его пристрастию к алкоголю и опиуму, а он просто сходил с ума от невозможности получить очередную дозу наркотика. Полуослепший Патрик Бронте поселил сына у себя в комнате, но до самой смерти Бренуэлл несколько лет держал семью в страхе своими буйными выходками.

После смерти тети сестры получили достаточно средств, чтобы открыть собственную школу, но мечте их не суждено было сбыться. Учеников не очень-то привлекал глухой городишко и дом священника на окраине кладбища — даже вода из колодца в таком соседстве внушала опасения.

Оставалась литература. Убедившись в том, что общество неготово видеть писателя в женщине, сестры стали предлагать свои произведения от имени братьев Белл — Керрера (Шарлотта), Эллиса (Эмили) и Эктона (Энн). В мае 1846 года увидел свет небольшой сборник их стихов, а затем были приняты к печати романы «Грозовой перевал» Эмили Бронте и «Эгнес Грей», написанный Энн. Роман Шарлотты «Учитель» не понравился издателям и был опубликован только после ее смерти. Однако несмотря на свою робость и застенчивость Шарлотта была прирожденным борцом: в августе 1847 года она предложила издателям новый роман — «Джейн Эйр». Через два месяца книга Керрера Белла была напечатана и сразу завоевала симпатии читателей.

Роман был проникнут духом борьбы, демократизма и утверждения человеческого достоинства женщины. В такой консервативной стране, как Англия, на него сразу же посыпались обвинения в антихристианской направленности. В романе критиковалось существующее социальное неравенство, отстаивались права человека — словом, попирались «Богом установленные» порядки викторианской Англии.

С 1848 года смерть стала частой гостьей в семье Бронте. В сентябре от белой горячки умер Брендуэлл. Провожая брата в последний путь, простудилась и тяжело заболела Эмили. В декабре она умерла от скоротечной чахотки. Спустя полгода туберкулез свел в могилу кроткую и богобоязненную Энн. Она была талантливейшей писательницей, и кто знает, что потеряла английская литература с ее уходом. За несколько дней до смерти она упросила Шарлотту отвезти ее к морю, в Скарборо. Через несколько дней она умерла, успев сказать сестре: «Мужайся, Шарлотта, мужайся».

В том же 1849 году Шарлотта закончила и опубликовала роман «Шерли». Любовные истории в нем тесно переплетены с социальными потрясениями, в частности, с событиями, вызванными движением луддитов — разрушителей машин. Ее «писательство» постепенно перестает быть тайной, но по-прежнему воспринимается неоднозначно. К примеру, ее старая подруга, мисс Вулер, на всякий случай поспешила заверить Шарлотту, что и теперь ее отношение к бывшей ученице останется неизменным.

После выхода в свет своего второго романа Шарлотта стала чаще ездить по стране и бывать в Лондоне. Она познакомилась со своим кумиром — писателем Уильямом Теккереем. Шарлотта очень волновалась перед этой встречей, поэтому Теккерей увидел «...маленькое, дрожащее создание, маленькую руку, большие честные глаза. ...Она произвела на меня впечатление человека очень чистого, благородного, возвышенного».

Лондонские дамы свысока смотрели на тихую провинциалку. Шарлотта выглядела, с их точки зрения, простушкой: невысокая худенькая девушка с мягкими темными каштановыми волосами и такого же цвета глазами, широким лбом и очень приятным голосом. Разумеется, волосы у нее были убраны не по-столичному, да и традиционное темное платье, украшенное имитацией меха, не производило весомого впечатления. Говорила и держалась она очень просто, безо всякого актерства.

Уже через год Шарлотта попыталась изменить положение и для летней поездки в Лондон подобрала в Лидсе шелковую ткань «преlestного бледного оттенка». Увы! — ткань оказалась ей не по карману.

Этот факт заставляет задуматься о том, насколько Шарлотта Бронте вообще могла пользоваться заработанными деньгами. Дело в том, что собственностью женщины в викторианской Англии, как правило, распоряжался ее муж или отец. Например, гонорары Элизабет Гаскелл — подруги, а затем и биографа Шарлотты — не раз с видимым удовольствием получал в ее присутствии муж.

К 1851 году относится и развязка еще одной «истории любви» Шарлотты Бронте. Симпатия между ею и одним из ее издателей, Джорджем Смитом, была взаимной, однако неглубокой со стороны Смита. Он отступился, узнав, что его родственники против подобного союза, а Шарлотта... она всегда умела совладать со своими страстями.

В начале 1853 года из печати выходит новый роман Шарлотты Бронте — «Виллет», наиболее автобиографический из всего написанного ею. Примерно в это же время к ней посватался Артур Белл Николлс, помощник ее отца. Патрик Бронте, всерьез беспокоившийся о здоровье единственной оставшейся в живых дочери, пришел в ярость и свой ответ высказал, не стесняясь в выражениях. Расстроенный Николлс подал прошение об отставке и затворился у себя дома. Опасения отца не были лишены оснований, однако присущая Шарлотте жажда жизни и вера в перемены к лучшему победили — вторичное предложение Николлса было встречено благосклонно.

Бракосочетание по желанию Шарлотты было очень скромным. Лишь одно событие омрачило его — накануне брачной церемонии Патрик Бронте занемог и наотрез отказался передать невесту жениху во время обряда. Роль посаженного отца исполнила мисс Вулер.

Супружеские обязанности существенно изменили распорядок дня Шарлотты, на занятия литературным трудом у нее теперь постоянно не хватало времени. Николлс был неизменно внимателен и ласков с ней, но в то же время ревниво относился ко всему, что «отвлекало» внимание его жены. Дел действительно хватало: однажды Шарлотта, к примеру, по поручению мужа устроила чаепитие для... пятисот прихожан.

29 ноября 1854 года исполнилось пять месяцев со дня их свадьбы. Шарлотта попыталась было поработать, но Николлс увлек ее на прогулку. Он решил полюбоваться водопадом, который располагался на расстоянии нескольких миль от Хаурта. На обратном пути супруги попали под проливной дождь — и Шарлотта простудилась. Не дождавшись полного выздоровления, она то навешала старуху-прихожанку, то ездила к знакомым помещикам по соседству. Болезнь продолжала терзать ее хрупкое тело. Шарлотта сильно похудела, почти перестала есть, болезнь печени и интоксикация организма довершили дело. 31 марта 1855 года Шарлотта Бронте умерла.

Судьба не позволила этой нежной женщине воплотить в жизнь те представления о любви и семье, которые жили в ее душе. Но она не смогла помешать писательнице Шарлотте Бронте во всеуслышание заявить о них в своих романах. Ее героини смеют страстно любить наравне с мужчинами, вступать с ними в «поединок роковой» любви и гордости, воли и характера. И они всегда победительницы, нежные, сильные и преданные.

В. Татаринов

Джессік Зір

Глава I

этот день нечего было и думать о прогулке. Правда, утром мы еще побродили часок по дорожкам облетевшего сада, но после обеда (когда не было гостей, миссис Рид кушала рано) холодный зимний ветер нагнал угрюмые тучи и полил такой пронизывающий дождь, что и речи не могло быть ни о какой попытке выйти еще раз.

Что же, тем лучше: я вообще не любила подолгу гулять зимой, особенно под вечер. Мне казалось просто ужасным возвращаться домой в зябких сумерках, когда пальцы на руках и ногах немеют от стужи, а сердце сжимается тоской от вечной воркотни Бесси, нашей няньки, и от унижительного сознания физического превосходства надо мной Элизы, Джона и Джорджианы Рид.

Вышеупомянутые Элиза, Джон и Джорджиана собрались теперь в гостиной возле своей мамы: она полулежала на диване перед камином, окруженная своими дорогими детками (в данную минуту они не ссорились и не ревели), и, очевидно, была безмятежно счастлива.

Я была освобождена от участия в этой семейной группе; как заявила мне миссис Рид, она весьма сожалеет, но приходится отделить меня от остальных детей, по крайней мере до тех пор, пока Бесси не сообщит ей, да и она сама не увидит, что я действительно прилагаю все усилия, чтобы стать более приветливой и ласковой девочкой, более уживчивой и кроткой, пока она не заметит во мне что-то более светлое, доброе и чистосердечное; а тем временем она вынуждена лишить меня всех радостей, которые предназначены для скромных, почтительных деток.

— А что Бесси сказала? Что я сделала?

— Джейн, я не выношу придилок и допросов; это просто возмутительно, когда ребенок так разговаривает со старшими. Сядь где-нибудь и, пока не научишься быть вежливой, молчи.

Рядом с гостиной находилась небольшая столовая, где обычно завтракали. Я тихонько шмыгнула туда. Там стоял книжный шкаф; я выбрала себе книжку, предварительно убедившись, что в ней много картинок. Взорвавшись на широкий подоконник, я уселась, поджав ноги по-турецки, задернула почти вплотную красные штофные занавесы и оказалась таким образом отгороженной с двух сторон от окружающего мира.

Тяжелые складки пунцовых драпировок загораживали меня справа; слева оконные стекла защищали от непогоды, хотя и не могли скрыть картину унылого ноябрьского дня. Перевертывая страницы, я время от времени поглядывала в окно, наблюдая, как надвигаются зимние сумерки. Вдали тянулась сплошная завеса туч и тумана; на переднем плане раскинулась лужайка с растрепанными бурей кустами, их непрерывно хлестали потоки дождя, которые гнал перед собой ветер, налетавший сильными порывами и жалобно стонавший.

Затем я снова начинала просматривать книгу — это была «Жизнь английских птиц» Бьюика. Собственно говоря, самый текст мало интересовал меня, однако к некоторым страницам введения я, хоть и совсем еще ребенок, не могла остаться равнодушной: там говорилось об убежище морских птиц, о пустынных скалах и утесах, населенных только ими; о берегах Норвегии, от южной оконечности которой — мыса Линденеса — до Нордкапа разбросано множество островов:

...Где ледяного океана ширь
Кипит у островов, нагих и диких,
На дальнем севере; и низвергает волны
Атлантика на мрачные Гебриды

Не могла я также пропустить и описание суровых берегов Лапландии, Сибири, Шпицбергена, Новой Земли, Исландии, Гренландии, «всего широкого простора полярных стран, этих безлюдных, угрюмых пустынь, извечной родины морозов и снегов, где ледяные поля в течение бесчисленных зим намерзают одни над другими, громоздясь ввысь, подобно обледелым Альпам; окружая полюс, они как бы сосредоточили в себе все

многообразные козни сильнейшего холода». У меня сразу же сложилось какое-то свое представление об этих мертвенно-белых мирах, — правда, туманное, но необычайно волнующее, как все те, еще неясные догадки о Вселенной, которые рождаются в уме ребенка. Под впечатлением этих вступительных страниц приобретали для меня особый смысл и виньетки в тексте: утес, одиноко стоящий среди пенящегося бурного прибоя; разбитая лодка, выброшенная на пустынный берег; призрачная луна, глядящая из-за угрюмых туч на тонущее судно.

Неизъяснимый трепет вызывало во мне изображение заброшенного кладбища: одинокий могильный камень с надписью, ворота, два дерева, низкий горизонт, очерченный полуразрушенной оградой, и узкий серп восходящего месяца, возвещающий наступление вечера.

Два корабля, застигнутые штилем в недвижимом море, казались мне морскими призраками.

Страничку, где был изображен сатана, отнимающий у вора узел с похищенным добром, я поскорее перевернула: она вызывала во мне ужас.

С таким же ужасом смотрела я и на черное рогатое существо, которое, сидя на скале, созерцает толпу, теснящуюся вдали у виселицы.

Каждая картинка таила в себе целую повесть, подчас трудную для моего неискушенного ума и смутных восприятий, но полную глубокого интереса, — такого же, как сказки, которые рассказывала нам Бесси зимними вечерами в тех редких случаях, когда бывала в добром настроении. Придвинув гладильный столик к камину в нашей детской, она разрешала нам усестись вокруг и, отглаживая блонды на юбках миссис Рид или плоя шипцами оборки ее ночного чепчика, утоляла наше жадное любопытство рассказами о любви и приключениях, заимствованных из старинных волшебных сказок и еще более древних баллад или же, как я обнаружила в более поздние годы, из «Памелы» и «Генриха, герцога Морландского».

И вот, сидя с книгой на коленях, я была счастлива; по-своему, но счастлива. Я боялась только одного — что мне помешают, и это, к сожалению, случилось очень скоро.

Дверь в маленькую столовую отворилась.

— Эй, ты, нюня! — раздался голос Джона Рида; он замолчал: комната казалась пустой.

— Куда к чертям она запропастилась? — продолжал он. — Лиззи! Джорджи! — позвал он сестер. — Джоаны нет здесь. Скажите мамочке, что она убежала под дождик... Экая гадина!

«Хорошо, что я задержнула занавесы», — подумала я, горячо желая, чтобы мое убежище не было открыто, впрочем, Джон Рид, не отличавшийся ни особой зоркостью, ни особой сообразительностью, ни за что бы его не обнаружил, но Элиза, едва просунув голову в дверь, сразу же заявила:

— Она на подоконнике, ручаюсь, Джон. Я тотчас вышла из своего угла; больше всего я боялась, как бы меня оттуда не вытащил Джон.

— Что тебе нужно? — спросила я с плохо разыгранным смирением.

— Скажи: «Что вам угодно, мистер Рид?» — последовал ответ. — Мне угодно, чтобы ты подошла ко мне, — и, усевшись в кресло, он показал жестом, что я должна подойти и стать перед ним.

Джону Риду исполнилось четырнадцать лет, он был четырьмя годами старше меня, так как мне едва минуло десять. Это был необычайно рослый для своих лет увалень с прыщевой кожей и нездоровым цветом лица; поражали его крупные нескладные черты и большие ноги и руки. За столом он постоянно объедался, и от этого у него был мутный, бессмысленный взгляд и дряблые щеки. Собственно говоря, ему следовало сейчас быть в школе, но мамочка взяла его на месяц-другой домой «по причине слабого здоровья». Мистер Майлс, его учитель, утверждал, что в этом нет никакой необходимости, — пусть ему только поменьше присылают из дому пирожков и пряников; но материнское сердце возмущалось столь грубым объяснением и склонялось к более благородной версии, приписывавшей бледность мальчика переутомлению, а может быть, и тоске по родному дому.

Джон не питал особой привязанности к матери и сестрам, меня же он просто ненавидел. Он запугивал меня и тиранил; и это не два-три раза в неделю и даже не раз или два в день, а беспрестанно. Каждым нервом я боялась его и трепетала каждой жилкой, едва он приближался ко мне. Бывали минуты, когда я совершенно терялась от ужаса, ибо у меня не было защиты ни от его угроз, ни от его побоев; слуги не захотели бы рассердить молодого барина, став на мою сторону, а миссис Рид была в этих